

ПЕТРУШКО Э.П.

КОЛХОЗНИКИ

18+

Эдуард Петрушко

Колхозники

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Петрушко Э. П.

Колхозники / Э. П. Петрушко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Продолжение цикла рассказов о курсантах Высшего пограничного военно-политического ордена Октябрьской Революции Краснознамённого училища КГБ СССР имени К.Е. Ворошилова. Армейская жизнь описана с военным юмором и беспощадной правдой ежедневного быта, которые делали из мягкотелых юнцов, крепких и выносливых мужчин. Книга интересна для всех категорий читателей, знакомых с военной службой.

Содержание

Вступление	6
Осень	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хочу выразить огромную благодарность всем выпускникам 3 батальона 1990 года ВВПОРКУ КГБ СССР им. К.Е. Ворошилова, принявшим участие в подготовке материалов для книги «Колхозники».

«Многие думают, что пограничников четыре года учат в Голицыно смотреть в бинокль и ходить рядом с собакой. Однако это не так, надо еще уметь разговаривать».

командир 2 взвода ст. лейтенант Бобер Ю.Н.

Вступление

Столько лет прошло, а помню все до мелких деталей, иногда мне даже снится, что я опять курсант Высшего пограничного военно-политического ордена Октябрьской Революции Краснознамённого училища КГБ СССР имени К. Е. Ворошилова. Помню наши утренние зарядки, заплывы в нарядах, стрельбу и строевые. Помню нудные занятия по партийно-политической работе, где мы изучали труды трех бородачей: Ленина, Маркса и Энгельса. Помню слова преподавателя партийно-политической работы: «Быстро бегать и хорошо стрелять можно научить и обезьяну. У нас партийный отряд. И в нем служат самые преданные идеалам партии». И мы должны были нести эти идеалы в Пограничные войска от Калининграда до Владивостока.

Нас перемальвала армейская жизнь своими беспощадными жерновами, мы грубели как кора деревьев, становились крепкими и выносливыми. Прошел первый год в военном училище, получены первые уроки жизни, приобретены первые друзья, познана радость побед и горечь поражений. Начинался второй курс.

Осень

После месячного летнего отпуска захожу в роту – пахнет сапогами и ружейной смазкой. Смотрю на это словно не с того конца телескопа: жизнь сузилась до размеров кружка, включавшего теперь только простые атрибуты военного быта.

В спальном помещении домашние запахи: от плова до апельсинов. Почти каждый привез из дома что-то вкусненькое про запас. Делимся впечатлениями: смешки, подколы, настроение приподнятое. «Долгоиграющие» продукты (шоколад, консервы, конфеты) несем в каптерку, где нам разрешают держать личные чемоданы и сумки. Курсант Олег Боев положил в свой большой дипломат копченую курицу и забыл о ее существовании. Через неделю в каптерке стояла вонь как на скотомогильнике, все пропиталось парами мертвой пернатой птицы. Мы требовали крови, а точнее, чтобы Боев съел вонючую курицу.

Следующий учебный день отрезвил ушатом холодной воды.

– Рота, подъем!!!

После месячного домашнего отдыха непонимающе хлопаем глазами и медленно понимаем, что нам надо надевать галифе, портянки и заскакивать в сапоги, а не в теплые тапочки. Дежурный орет так, что индейцы с Тарзаном нервно курят в сторонке! У них не вопли, а женский писк. По дороге на зарядку необходимо заскочить в сортир. Там стоит легкий мат – 150 человек пытаются слить взятую взаймы у природы жидкость. Вопли, толкотня, грохот тяжелых сапог.

– Подвинься! Смотри за струей!!!

– Не толкайся!

– Освободи место!

Сержанты орут, замкомвзвода орет, офицеры покрикивают. Такое впечатление, что им доплачивают за крик. Не утро, а зоопарк.

Снова бег, наряды, физо, скучный научный коммунизм и вечная борьба со сном. Мы опять стали однообразной зеленой массой. Одинаковая форма, стрижка, все ходим одинаково, в одни и те же места. Похоже спим, едим, даже надобности свои справляем похоже. От однообразия становится грустно.

Втягиваться в суровые армейские будни тяжело, некоторые думают о том, чтобы написать рапорт об отчислении из училища. Уж очень не хотелось вваливаться в училищную жизнь после вкусной маминой снеди и теплых домашних перин. Такие мысли были и у меня, это так называемый «послеотпускной синдром» или, как говорят сейчас, – легкая депрессия.

Лежу на панцирной кровати и долго не могу заснуть в первые ночи после отпуска. Думаю обо всем и сразу, в голове рой мыслей. Основная заключалась в том, чтобы дослужить на срочной и побыстрее домой. Впоследствии от шальных мыслей отговаривают родители и товарищи по службе.

Военное училище – это не ПТУ, а достаточно влиятельный институт общества, лифт, трамплин, позволявший парням из глубинки обустроить свою жизнь и, возможно, подняться к властным структурам и партийным должностям. Кроме того, зарплата у лейтенанта после выпуска составляла солидную сумму. Содержание по воинскому званию, оклад по должности, надбавки, пайковые образовывали сумму от 250 до 300 руб., когда средний показатель в стране находился в районе 140 руб. Закусив удила училищной жизни, идем дальше...

Первый наряд после отпуска. Суточный наряд назначается для поддержания внутреннего порядка, охраны вооружения, боевой и другой техники и боеприпасов, помещений и имущества части, а также для выполнения других обязанностей по внутренней службе. Нарядов

существует великое множество, я банально заступаю дневальным по роте. Со мной еще три горемыки: Волков, Мелузов и сержант Пухтеев с 33 взвода.

Принимаю туалет, холодный кафель, запах хлорки, блестящие белые писсуары. Курсант, которого я менял, – Максимчук, из моего взвода, сосредоточенно давил прыщ на носу, стоя перед мутным сортирным зеркалом. Туалет вообще в жизни курсанта занимает важное место хотя бы потому, что это единственное место, где можно уединиться. В туалете около 10 кабинок, где курсанты, сидящие в позе орла над очком, пишут на его стенках важные накопившиеся мысли, например: «Сержант (Пупкин) – мудака», «Ротный – жопа». Или банальные присказки: «Остановите землю, я выйду!», «ПВ – щит Родины, остальные войска – шурупы в нем», «Если ты курсант – гордись, если нет – радуйся». Много фраз, связанных с отпуском: «До отпуска осталось 126 дней» или «Отпуск неизбежен, как крах империализма». Прямо стена плача, а не стены туалета.

– У ротного что-то случилось или перепил? – спрашивает Максимчук. И, не дождавшись моего ответа, продолжает: – Злой какой-то, меня два раза после обеда заставлял туалет драить. Вечно ему что-то не нравится. А что тут может нравиться, в сортире-то? Это не Париж! – философствует Максимчук.

– Он вроде не пьет. Болеет сахарным диабетом, поэтому марш-броски не бегаёт, а на переходах на УАЗике ездит, – говорю я и от нечего делать рассматриваю себя в зеркало, потом показываю язык.

– А как он Родину будет защищать? Вот нападут на нас китайцы или 6-й флот США, как он бегать будет? – не унимался Максимчук.

– Не ссы, не нападут! – говорю я иду докладывать сержанту Пухтееву о приеме стратегически важного объекта.

Стою. Мутрно. Время как каучук. Не течет, а тянется. Даже не тянется, а застывает. Не сходя с тумбочки, перематываю портянку. Наступило самое спокойное время. Дежурный по роте после завтрака спит. В его отсутствие первый дневальный становится «дневальным за дежурного». Рота на занятиях, в помещении пусто, навел порядок и дальше имитируй бурную деятельность, когда проходит ротный или комбат, или ныкайся в спальном помещении или учебном классе.

Еле успеваю засунуть ногу в сапог, когда на пороге появляется плотный полковник. На рукаве кителя повязка: «Дежурный по училищу». Удивляюсь, как будто увидел Карлсона над Красной площадью, замираю и одновременно подаю команду:

– Дежурный по роте, на выход!

Полковник одобрительно кивает, как будто я ему стакан налил, и, заложив руки за спину, прохаживается вдоль висящих на стене стендов. Там формы одежды на зарядку, фотогазета, боевой листок. Судя по тому, как полковник внимательно изучает армейское творчество, ему это нравится не меньше Третьяковской галереи.

Дежурный дневальный кимарит, складывается неловкая пауза, полковник нервно поправил фуражку, я заорал как резанный еще раз: «Дежурный по роте, на выход!!!». Наконец-то появляется бегущий заспанный Волков, я облегченно выдыхаю, как будто вынырнул с большой глубины.

Сдав наряд вечером, хожу как зомби: глаза залипают, в голове туман. Ровно в девять вечера усаживаемся в учебном классе для просмотра программы «Время». То, что на самом деле ее никто не смотрел, никого не волновало. Главное, чтобы все сидели ровно и смотрели в телевизор. Сквозь щебетания диктора проваливаюсь в сон, положив голову на стол, получаю легкую затрещину от замкомвзвода. Идем строиться на вечернюю прогулку. Меня постоянно

мучает вопрос целесообразности вечерней прогулки в армии. Зачем она? Для чего? Дождь – снег – ураган, а ты идешь и орешь:

«Стоим мы на посту, повзводно и поротно
Бессмертны, как огонь. Спокойны, как гранит.
Мы – армия страны. Мы – армия народа.
Великий подвиг наш история хранит».

По возвращению из отпуска многие заводят себе календарики с обратным отсчетом до очередного отпуска. Человеку всегда было свойственно вести какой-то метрический, лунный или солнечный отсчет протекающего времени. Мы ведем календарик, чтобы отвлечься от повседневной муштры и суеты. Каждый день ползет убийственно медленно, небольшой плотный листок бумаги согревает далекими лучами ожидаемого отпуска.

Второй курс, второй год, в армии ты был уже «черпаком», а у нас никакой послабухи. Сержанты рычат, взводные лютуют, комбат легко отправляет нас на многочисленные дополнительные кроссы. Принципы жизни такие же, как на первом курсе: будь как все, иди, куда сказано, делай, что приказано, терпи, молчи, слушайся и не возникай. Мы говорим на новом языке, у нас появляется свой сленг и лексикон. «Минус» – курсант первого курса; «ровно» – курсант второго курса; «увал» – увольнение; «шланг» – сачок, лентяй; «кусок» – прапорщик; «чипок» – курсантский буфет; «отбиться» – лечь спать; «давить на массу» – спать вне распорядка; «подшива» – кусок белой материи, который подшивают на внутреннюю часть воротника х/б; «самоход» – самовольная отлучка из части; «тумбочка» – место дневального; «взлётка» – линолеум в коридоре батальона.

Унитазы на втором курсе мы зубными щетками не чистим, да и на первом курсе не чистили. Брехня все это о чистке унитазов с помощью зубных щеток. Просто потому, что в армии унитазов нет. «Писсуары» на первом курсе после отбоя пару раз действительно натирал зубной щеткой. Посылал меня на эту процедуру командир отделения сержант Кургин. Кургин отпахал полтора года на границе и отрывался на нас, молокососах, которые, как он считал, должны восполнить «упущенное» на срочной службе. Позже ротный, узнав о таких «мерах воспитания», запретил Кургину после отбоя отправлять провинившихся чистить гигиеническими принадлежностями писсуары. Но командир отделения отрывался на нас в рамках устава: строились – расходились по десятку раз, носили бегом тапочки в сушилку и обратно, увлеченно тренировали отбой за 45 секунд.

Дедовщины как таковой в училище не было, а был устав ВС, в рамках которого можно из жизни сделать кошмарный винегрет. Вообще по сравнению с остальными родами войск, которые мы презрительно называли шурупами, в пограничных войсках было больше порядка, чем дедовщины. Объяснялось это тем, что пограничники заняты реальным делом – они на боевой охране Государственной границы, контингент набирался поприличней, в наряды с оружием ходили и деды, и салаги наравне. На прорывы границы все бегали без исключения, в общем, не было времени на дебилные «грудь к осмотру», «упал – отжался» – все пахали примерно одинаково. К тому же застава живет одной большой семьей, вместе с командирами, которые в большинстве своем заботятся о личном составе, стараются его хорошо накормить и дать отдохнуть, чтобы народ тасил службу, а не филонил. На многих заставах были свои «фермерские хозяйства», на столе часто было мясо и молоко. Втихаря добывали мясо путем отстрела дикого зверя, которого в закрытой пограничной зоне было более чем достаточно.

Все курсы-батальоны в училище имеют свои названия: 1 – татары, 2 – камикадзе, 3 – колхозники, 4 – драконы. Мы, третий батальон, – колхозники. Потому что нас чаще всего отправляют на картошку, помогать сельскому хозяйству.

Опять наступила пора сбора ненавистой картошки. Во времена позднего СССР плановая экономика начала хромать, как загнанная лошадь. Рабочих рук и исправной техники в колхозах не хватало, также не хватало денег на сбор урожая. Требовалось уменьшить оплату труда по сбору урожая или вовсе найти бесплатную рабочую силу. Был найден вариант помощи сельскому хозяйству военнослужащими, студентами институтов и техникумов, школьниками. На одной грядке можно было встретить восьмиклассника и доцента, инженера и сержанта. И самое главное – им можно было не платить! Под «картошкой» подразумевался далеко не только собственно картофель, но и другие корнеплоды: морковь, свекла, репа, а также капуста.

Отбой на полтора часа раньше, но привыкшие к распорядку организмы никак не хотят засыпать досрочно, поэтому подъем в 5.30 тяжелый и вязкий. Сержанты шипят как гремучие змеи, заставляя быстрее двигаться еще не вышедшие из сна тела; старшина, лязгающий железным голосом, подбадривает «быстрее, курсанты!», «быстрее одеваемся!», как будто мы не знаем, что нам нужно одеваться. Хочется вырвать ему язык. Завтрак, наряду по столовой вообще клево, они не ложились: пока прибрались после ужина, помыли посуду, два часа на утреннюю чистку той же картошки и тут же кормить батальон, который отъезжает на сборы корнеплодов.

Едем на оливкового цвета ЗИЛ – ах, трясемся, как трясогузки на деревянных лавочках, но пытаемся дремать. У кого это получается лучше, он засыпает и падает с лавки или заваливается на товарища. В каждой машине едет взвод поломанных манекенов. На ухабе сильно бьюсь головой об кунг, вскочила шишка величиной с голубиное яйцо, отчаянно матерюсь и тру ушибленное место.

Поступает команда: «К машинам!». Откидываем борт и вяло выползаем на свет Божий. Свинцовое небо, над бескрайними полями летают вороны и каркают, как будто надвигается конец света.

– Сейчас с нас все соки выжмут, включая желудочный, – тихо говорит Черников Юра, небольшого роста хрупкий блондин, пиная комок грязи.

– Потом выпьют кровь, убьют и съедят местные крестьяне, – отвечаю я и смотрю по сторонам. Вспоминаю песню из кинофильма «Приключения неуловимых»:

«Поле, русское поле...
Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря.
Ты со мной, моё поле,
Студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя, и скажу, не тая:
– Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок».

Работников совхоза на поле не видно, одни серые шинели. Сержанты расставляют личный состав по длинным бороздам и раздают грязные ведра. Картошку убирать я умел или думал, что умею. Каждый год собирал ее у бабушки в деревне и у родителей на даче. Но после первых двух часов работы в поле я понял, чем отличается промышленная уборка от работы на собственном поле.

На горизонте неожиданно поднялась огромная волна белого тумана, за клубилась, забурлила и с невероятной скоростью двинулась к нам, как будто защищая картошку от незваных гостей. Клубы тумана вздымались, закручиваясь узлами, падали вниз, расплескиваясь по полю. Все замерли, наблюдая за необычной картиной. Туман ушел так же внезапно, как и появился, мы опять загремели ведрами.

Вы собирали картошку в шинели, сапогах и плащ-палатке? Это зрелище – помесь бульдога с черепахой, взрыв на макаронной фабрике. Куча грязных курсантов, подобрав полы

шинели, ползают по жирной земле и собирают в ведра картошку, потом – в мешок. Картошка – ведро – мешок – картошка – ведро – мешок. Кажется, это нескончаемый замкнутый круг. Спина деревянная, ноги ватные, казалось, наступил колхозный ад. Я проклял себя, родное училище и местных жителей, но полз по грядке, выполняя ненавистную работу.

Стоящий на должности ротного фотографа время от времени фиксирует эту экзекуцию, что позволяет мне слегка отвлечься от однообразного выматывающего труда. Обед. Привезли полевую кухню, жуем невкусный харч, под дождем, 20 минут перерыв – и опять в позу черепахи.

– Блин, я ненавижу эту картошку! – шепчет стоящий на соседней грядке курсант Саша Бойков. Саша похож своими кудряшками и преисполненной оптимизма физиономией на молодого Пьера Ришара. – Клянусь, я ее есть больше не буду! – добавляет он.

– Тогда ты просто сдохнешь, – говорю я, бросая очередную порцию овоща в ведро. Сержанты наравне со всеми собирают злополучные плоды и параллельно наблюдают за подчиненными. Застыл на месте больше чем на минуту – тебя быстро взбодрят.

Едем обратно, слегка откидываю тент кунга. Смотрю на небо, бурое облако гналось за нами, хороня под собой наше недавнее юное прошлое, моросил дождь. На душе тяжело, тело ломит от переутомления.

Осенью демобилизация – великое событие в жизни каждого солдата срочной службы СССР. К этому событию готовятся с первого дня службы. Подготовка усиливается ближе к дембелю, ночи напролет разукрашиваются альбомы и готовится парадка. У нас в училище дислоцируется рота «обеспечения учебного процесса», т.е. в ней служат поварами, водителями, писарями срочники. Вот они наряжались на дембель, как Деда Морозы: фуражка солдатская, но с офицерской кокардой и генеральским козырьком; парадная форма ушита-перешита, негнущиеся погоны, аксельбанты, белый ремень, обточенные сапоги. Но самое главное – «ордена»: «Отличник ПВ» всех степеней, ГТО, спортивная разрядность, обвешанный значками, как бульдоги-рекордсмены.

Мы смотрим на построенных дембелей слегка высокомерно, но одновременно с завистью – они едут домой, а у нас строевая подготовка. Неожиданно теплое осеннее солнце пробивалось сквозь облака, нагревая плац и деревья.

– По разделениям! Делаай раз!!! – командует взводный.

Мы замираем, как фигуры на шахматной доске. Левая рука прямая, отведена далеко назад, за спину. Правая вынесена согнутым локтем вперед на уровень третьей пуговицы. Правая нога стоит всей ступней на теплом асфальте. От напряжения лица у нас окаменели, портянки мокрые, между лопаток струится пот.

– Делай два!

Мы с грохотом опускаем левую ступню на асфальт, шлепая всей подошвой, делаем шаг вперед.

– Делай раз! Меняем позу и проделываем все с другими частями тела. Прямо кремлевский полк, укуси его суслик! Научиться ходить строевым шагом – это не стакан горелых семечек слугать.

Вечером идем в баню. Хотя какая баня? Баней и не пахнет – моечный зал – каменные скамейки, цинковые тазики, латунные вентиля, обрубки хозяйственного мыла, мочалки, похожие на мокрые конские хвосты. Скручиваем полотенца в «морковку» и больно жалим друг друга. Потом становимся под горячий душ и трем друг другу спины до красноты, до боли.

Выдают свежее белье и портянки. Портянки имеют в армейской жизни особенное значение. Их наматывание – процесс с виду простой, как пачка спичек. Но на самом деле это целое искусство, от которого зависит твое здоровье, а на войне и вся жизнь. Это как известные стихи про елочку в лесу, запомнить которые ты долго не можешь. Матерчатый прямоугольник из фланели или байки имеет уставной размер 50 на 75 см. Этот клочок материи пришел в нашу современность из прошлых мохнатых веков, когда еще носили лапти. Поддерживая традицию, крутим портянки. Сначала надо закутать большой пальчик или все пальцы, кто как приноровился. Потом опа! Одним махом всю ступню. Обернуть вокруг голени оставшуюся часть портянки и уголок заткнуть за обернутое. Удобно и легко. Вспотели ноги – снял, перевернул, наматал на ступню сухое, а мокрое – вокруг голени.

Свежие и румяные, строимся возле бани. Смотрю на дома вокруг училища: горящий свет в квартирах, в груди что-то сжалось, вспоминаю дембелей, которые сегодня поехали по домам. Жутко захотелось в родную квартиру на Ленинском проспекте, размышления прерывает команда «Запевай!», идем строем в расположение части.

Постоянная жизнь в военном коллективе, однообразные дни и вот эта бравая песня растворяют тебя как личность в общей массе одинаковых мужских тел. Ты становишься незначительным винтиком, который абсолютно лишен самостоятельности и свободы. От этих мыслей становится грустно, переключаюсь на повседневные заботы и думаю, как бы мне закосить завтрашнюю зарядку, на которой мы бежим шесть километров.

Мы «колхозники». Что можно взять с «колхоза»? Правильно, урожай. И не урожай в высоком смысле выращенных полковников и генералов, а что ни на есть обычный, в смысле пожрать... Одолев очередное бесконечное поле второго хлеба на Руси, то бишь, картошки, заныкали один мешочек. И не для того чтобы пожарить или запечь, а что ни на есть с благородной целью – оказать посильную помощь в обеспечении продуктами семье курсанта Сергея Никишина. Его молодая и красивая жена Оля снимала дом в поселке Летний Отдых, недалеко от училища. После ужина и до отбоя было достаточное количество времени, чтобы совершить «самоход» без особого риска быть замеченными в отсутствии со стороны бдительных сержантов или повязанными патрулем за пределами училища. Под покровом темноты группа из трех курсантов, унося на себе дневную добычу с колхозных полей, в полном понимании совершаемого воинского правонарушения, двинулась к «лазейке» на волю. Без особого труда, практически бесшумно, как учили нас первоклассные преподаватели кафедр «Общевойсковой тактики» и «Тактики пограничных войск», преодолели незамысловатое ограждение в виде бетонного забора с колючей проволокой. Чуткий курсантский слух и обостренное восприятие окружающего уловили где-то присутствие рядом. Одеревеневшие, с широко раскрытыми глазами, пытающимися что-то разглядеть в темноте, готовые в любую секунду сорваться в жестком спринте по пересеченной местности, самоходчики напряженно вслушивались в тишину. Сквозь бешеный стук собственного сердца до ушей донеслись звуки струйки воды, бьющейся о бетонный забор, – кто-то беззаботно или с умыслом справлял малую нужду на цитадель подготовки политических кадров погранвойск СССР. Разбираться с наглецом не было ни времени, ни желания, да и здравый смысл подсказывал известную аксиому – «раз тебя тут никто не видел, значит, тебя тут и не было». Но ситуация взбудрила, гулял адреналин, голова гудела, мешок с картошкой несли, словно он не весил ничего и был пушинкой. В награду за содеянное молодая красивая девушка напоила группу самоходчиков вкусным чаем.

Развод комбат зачитывает обращение из Оренбургской области, в котором председатель одного из колхозов благодарит руководство курса и Вахнина Сашу за активное участие в уборке зерновых в период курсантского летнего отпуска. Вахнину вручается грамота. В строю 37-й группы «вольнодумцы» (Логинов, Махов, Шатских) обсуждают информацию: «... сколько-сколько намолотил?», «лучше бы девушек тискал» и т.п. Одним словом, «колхоз» и есть «колхоз», даже в отпуске.

Осенние ротные учения на полевом учебном центре (ПУЦ) в Ярославской области. Если быть честным, то главная цель любых учений – это сохранить личный состав, вооружение и технику, а также прочее имущество. Но главное – сохранить личный состав, который от физических нагрузок и отсутствия сна тупит и тормозит. Народ спит где попало, обжигается, обмораживается, роняет гранаты и стреляет не туда. Помню, как на 4-ом курсе на учениях по «выживанию» в 30-ти градусный мороз мы спали возле костра в бушлатах и валенках. Дымили и горели валенки, тлели бушлаты. Около трех человек получили легкие ожоги. Когда настала моя очередь идти в дозор, я, нагретый от костра, просто вышел на дорогу и лег спать в колею. Позже по этой дороге на УАЗике с проверкой ехал комбат... Как они меня разглядели в белом бушлате, засыпанном снегом, в три часа ночи, не представляю. Комбат дико матерился и пинал меня ногами. Было не больно, так как он был в валенках, а я в бушлате.

О том, что существуют «допуски по гибели» военнослужащих во время проведения крупномасштабных военных учений, впервые услышали еще на первом курсе. Процент «допустимых потерь» зависел от рассказчика. Цифры были различными. Кто-то заявлял о допустимости гибели 2 % от общего числа военнослужащих, принявших участие в учениях, кто-то называл цифру в 4 %. Есть даже официальная допустимая статика потерь при проведении боевых учений: 0,1 %. Т.е. из десяти тысяч один должен умереть. Но нам не была страшна армейская арифметика потерь на учениях, мы боялись холода, физических нагрузок и двоек.

Разумеется, официально цели учений были другие: практические знания, тренировка морально-волевых качеств и выносливости. На самом деле с командира никогда не спрашивают, если он в ходе учений кого-то там не доучил. А вот за потерянный каким-то раздолбаем штык ножа или магазина будут дрючить взводного со всей пролетарской ненавистью.

И это – самый безобидный вариант. Были случаи потери биноклей, ракетниц и даже автоматов, тут дела уже могли стать подсудными, хотя, конечно, командование прикрывало и потери, и задницы командиров взводов.

Привыкшие к холодам Ярославской области, начинаем хитрить: берем с собой носки, свитера, запасные портянки. Сержанты уже не особо дрюкают за вшивники, так как сами утепляются. Холод, как и голод, не тетка.

Серая раскисшая дорога с каждым шагом высасывала из нас последние, казалось, силы, а мы все шли и шли, и каждый был уверен, что дойдет только до вон того деревца, а потом рухнет в противную холодную грязь. Но деревце оставалось позади, а мы все шли дальше – до следующего куста, потом – еще до следующего поворота. Пеший переход к месту проведения ротных учений. Вороны кружили над колонной и, казалось, смеялись над нами своим харкающим карканьем. Привал – все разбрелись по кустам. Сержант Кургин пытается шутить:

– Если прибором трясешь больше двух раз – это уже считается игрой, не забывайте! Реакции на шутку не последовало. Кто закуривает, кто присаживается прямо на мокрую пожелтую траву вдоль обочины. В воздухе пахло сожженной соляжкой и едким одеколоном «Консул», которым мы обильно поливались после бритья.

Солнце выкатилось из-за горизонта, привело себя в порядок и поплыло дальше. Тут же небо затянуло грязными тучами. Сил разговаривать не было. Сержант кричит: «Строиться!», как будто действительно началась война. Когда он орет, во рту видны его свинцовые пломбы в зубах.

Преподаватель по тактике обрисовывает ситуацию: где противник, его пулеметные гнезда и расчеты, замаскированная техника. Мы в строю записываем задачи карандашами в блокнот. Хотя как записываем – делаем имитацию, накрапывает противный мелкий дождик. Писать в трехпалых перчатках неудобно, а голыми ладонями холодно. Скорее бы все закончилось, а это только начало.

Мне и моему другу Вове Дехтяренко, качку из Белоруссии, повезло, нас назначают в группу «имитации огня». Т.е. мы должны были разбрасывать взрывпакеты, дымовые шашки и изображать огонь противника. Используем ИГН (имитатор газового нападения) с наполнением хлорпикрина. Рота отрабатывала наступление при химической атаке, т.е. атаковала злого врага в противогазах. Нам по раскисшему полю не бегать, а сидеть в окопе да метать имитацию.

Для реальности происходящего боя мы с Дехтяренко должны были при приближении атакующих надеть на взрывпакеты оболочку, которая, взрываясь, выделяла хлорпикрин, разъедающую оболочку глаз. Все хорошо, только вот взводный заставил нас надеть противогазы, которые тут же сдавили голову противной холодной резиной и ограничили видимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.